

Честно признаться, когда-то я был немножко влюблен в нее. В чем был явно не оригинален, разумеется. Кто же из зрителей-мужиков с хорошим вкусом (по части кинематографии, как вы понимаете) не мог не дрогнуть сердчишком при виде этой полудевочки-полуженщины с беззащитным взглядом? Но сказать об этом при встрече постеснялся и начал совсем с другого.

*Возв. клуб. -1996.-
Завр.-с.в.*
**Вера
ГЛАГОЛЕВА:**

Когда ты не зависишь от мужчины, тебе легче жить

— Как я понимаю, публика ценит вас прежде всего за роли в фильмах "Искренне ваш" и "Выйти замуж за капитана". Ну еще "Торпедносцы", пожалуй.

— Но разве вы не видели картины Эфроса "В четверг и больше никогда"?

— Я-то видел. Такой был культовый фильм, как нынче выражаются.

— Так это я там была — хотя, наверное, трудно даже это представить. Какая-то совсем другая, странная такая, даже внешний облик, по-моему, иной... Картина не шла практически на экранах, она элитарная такая, и любили ее, в общем, именно в среде интеллигенции.

— Хотя бы даже из-за одного имени режиссера. А какое Эфрос произвел на вас впечатление?

— Как сказать... Это, конечно, был великий человек. По работе с актерами, по самой сути своей — человек такой интеллигентнейший, такой мягкий, такой, к сожалению, слабый все-таки. Были какие-то моменты, когда я понимала, что он не может противостоять злу, — вот это страшно. Он приглашал меня на репетиции в театр, и я видела, например, как актеры, опаздывая на час, не извинялись. А он сидел абсолютно бледный и, видно, болел уже все-таки, но ни слова им не говорил: мол, что же вы так себя ведете? И я понимаю, что ему было тяжело, но он в себе все это скрывал.

— Что от него получили, переняли?

— Эфрос мог показать за любого актера любую роль — будь то мужская, женская. И какие-то взрывные вещи, и тонкие очень. И если актер повторял, то это было "туда" абсолютно. Веселье, смеялся тонким голосом... А конкретно... Он мне, наверное, какую-то уверенность придал, что я вообще могу что-то. Он что-то говорил, показывал, а я повторяла бессознательно, схватывала какие-то внешние вещи — он безумно радо-

вался, доволен был, что получает. А я даже не могла представить: как после него может не получиться? Мы эту дорогу проходили вместе, а впечатление было, что ты сама такая талантливая, сама так хорошо все знаешь. Вот это здорово. Я-то тогда была вообще настолько сырой материал... Я шла, он меня вел и придавал уверенность, что у меня все получается. И все настолько легко было.

— Дебютировали же вы два десятка лет назад в фильме Родиона Нахапетова "На край света" в совсем еще нежном возрасте. Возможно, еще учились в школе?

— Я тогда уже закончила школу, но возраст был действительно нежный. До восемнадцати.

— Как же вы оказались в кино?

— Это случайно — меня просто встретили на улице, искали героиню.

— "Девочка, хочешь сниматься в кино?"

— Типа вот такого. Стенение обстоятельств. Фотопробы были неудачные. И я о них забыла, и они обо мне забыли. А потом уже, когда у них пошли кинопробы, у героя заболела партнерша, и тут вспомнили, что была такая, которая стреляла из лука... И пригласили подыграть: нужен был просто затылок, чтобы было понятно, что это девушка. И какие-то реплики подбрасывать. И я отнеслась к этому не то чтобы серьезно, но не знала, что снимают только героя. А Родион стоял с другой стороны, смотрел, ему вроде понравилось, как я отвечаю... И как-то не было никакого волнения. Потом на съемках я больше нервничала.

— А почему вы увлеклись именно стрельбой из лука?

— Просто хотелось заняться каким-то красивым видом спорта. Я хотела фехтованием — тоже нравилось, но потом подумала, что там даже как-то простора не дают: только сошлись, укол — и сразу расходятся. И мы приехали с

подружкой в "Крылья Советов", что ли, нам было без разницы. У меня был очень хороший тренер — и пошло: за полгода буквально стала кандидатом в мастера, а потом за два года мастером спорта — еще в юниорской группе. И очень это меня, конечно, порадовало. Ну там нормативы были, наверное, какие-то легкие, сейчас-то все по-другому... Поэтому кино — оно параллельно существовало. И когда я на съемки уезжала, меня просили, чтобы я там тренировалась, я брала с собой лук — такая деловая была. И за юниорскую сборную Москвы выступала. Но закончилось это все плачевно, нельзя же вот так, наскоком.

— Лук, фехтование, была, значит, такая девочка-сорванец?

— Да-да, конечно. Футбол, казачки-разбойники — все это было. У меня в детстве друг мало было, в основном с друзьями старшего брата водилась.

— Почему-то из таких девочек вырастают, как я заметил, наиболее обязательные женщины. Ладно, я отвлекся, кажется. Давайте вернемся в день нынешний. Я знаю, что Валентин Черных специально для вас написал сценарий "Женщин обижать не рекомендуется". Ломовая такая история, в которой училка-замухрышка становится супервумен.

— Страшно раньше времени говорить, но уж сценарий-то... по моему, получился. История Золушки очередная. Черных ведь очень точно просчитывает конъюнктуру, я извиняюсь. Очень точно знает, что нужно именно массовому зрителю. Такие картины придают уверенность любому человеку: что не все потеряно, что может быть еще что-то в твоей жизни, что ты будешь счастлива. И человек, не имеющий денег либо любви, все же это получает — за то, что живет по своим каким-то законам.

— Бог воздаст?

— Ну, наверное, да. Вот герой, допустим, картины "Выйти замуж за капитана", он действительно по-настоящему, без дураков — положительный герой. И он безумно нравился всем, например, моим подругам. Я не имею в виду Витю Проскурина, я имею в виду героя. У него какой-то по-настоящему хороший принцип жизни. Он говорит немного, но очень правильные какие-то вещи: про дом, про честность, про совесть. У нас сейчас ведь немножко забыто, что есть что. Но по таким законам возможно жить — и ты за это, может, что-то получишь. Но это в принципе не основное — получишь ли. Главное: возможно жить именно так, быть человеком с положительным зарядом.

— Уж не сами ли вы будете ставить эту нынешнюю картину?

— Ни в коем случае! В теперешней ситуации это самоубийство, я считаю. Но я уже один раз поставила кино. У меня был опыт в 90-м году: я сняла картину "Сломанный свет" по сценарию Светланы Грудовой. История про актеров, которые не у дел, про подпольных художников — такой андеграунд 80-х. Кино не стыдное, милое, симпатичное такое, немножко занудное, как бы авторское. Мы даже где-то получили какой-то приз. Была, конечно, масса сложностей, я еще к тому же играла главную роль. Были какие-то задержки по деньгам, но не как сейчас, когда глухо стоят картины. И пригласила я людей, которых хотела: играли Феклистов, Андрей Соколов, Маргарита Борисовна Терехова, Бехтерев, Лариса Белогурова...

— Хороший состав.

— Еще и Гриша Гладий в главной роли!

— Но с прокатом вашей картины, кажется, не повезло. — У продюсеров был какой-то странный пункт: они сделали десять картин — и ни одну почему-то не продали. И Рудинштейн был просто в ярости: он хотел купить мое кино, и оказалось, что не может с ними договориться. "Вера, ну они просто, наверное, сумасшедшие!"

— А если бы у вас сейчас был карт-бланш: можете поставить, что хотите. Что выбрали бы, допустим, из классики?

— Я бы хотела поставить набобовскую "Защиту Лужина". Это уже написанный сценарий.

— Да?

— Да. Вам не показалось?..

Что еще? Ну, наверное, какие-то бунинские вещи, хотя он и кажется некинематографическим. Я видела какие-то картины, они сделаны чудовищно. Я не знаю, почему. Может быть, его невозможно поставить? Но там такие страсти...

— Сейчас в моде феминизм. А вы как насчет этого?

— Я думаю, что все-таки женщина должна иметь профессию, должна уметь самостоятельно что-то делать. Потому что, если что-то случается, предательство — не предательство, но все-таки когда есть уверенность, что ты можешь что-то, что ты не зависишь от мужчины, тебе легче жить, вот и все. Конечно, хорошо — семья, хорошо — дети, но когда есть свое дело, это очень важно. Тогда и мужчина к тебе по-другому относится, если ты не только на кухне, не только прислуживаешь ему. Все ведь не вечно, и отдать себя вот так вот просто, не задумываясь — мне кажется, это не нужно. Брак в любой момент может развалиться, это я знаю по себе и отвечаю за свои слова. Женщина просто обязана быть личностью.

— Вы очень активно работали, и при этом вам удалось вырастить двух дочерей...

— Сейчас есть еще и третья девочка, маленькая совсем, ей почти три года. У нас сейчас три сестры — по Чехову.

— Как удавалось совмещать воспитание девочек и работу? Трудно?

— Вы знаете, по-разному. Когда они были совсем маленькими, мне приходилось даже несколько раз брать их на съемки, что было чудовищно. Работая, лучше отключаться полностью. Но не так уж часто я уезжаю.

— А если что, оставались с вашей мамой?

— Ну конечно.

— А как ваша мама относится к экранным образам своей дочери?

— Есть какие-то фильмы, которые она не может смотреть до конца. Например, картина "Сшедшие с небес". Она тяжела, конечно же. В конце героев расстреливают, и мама не может это смотреть. Она смотрит до того момента, когда все хорошо.

— Гибель дочери даже парашошку — это все-таки, согласитесь, шок.

— Но это же кино.

— Мало ли что...

— Потом была недавно такая картина "Я сама". Мама тоже с трудом смотрит этот фильм, потому что эмоционально он ее тревожит.

— А ваши дочери не собираются пойти, так сказать, по стопам?

— Мечтают, как и все девочки. "Я хотела бы сняться в кино", — и одна, и другая мне заявляют. Я: "Ну снимайтесь". Одной семнадцати, другой шестнадцати. Малой три года — ничего еще не хочет. А эти... Ну они снимались со мной в детстве — играли моих же дочек. Но одна, слава Богу, уже имеет профессию: она балерина, сейчас закончила училище, и ее взяли в Большой театр.

— А вы бы им желали стать актрисами?

— Я бы — нет, говоря по правде. Только если есть еще параллельно какая-то профессия. И ради интереса это замечательно уповать на то, что все время ты будешь работать... Сейчас в кино вообще ничего не происходит. Кроме Рязанова, по-моему, никто не снимает, ну еще две-три картины. Хотя фестивали проходят, и фильмы для них откуда-то берутся. Но жить тем, что кто-то когда-то обратит на тебя внимание, — это глупо. Лучше быть профессионалом в другой какой-нибудь области, а кино иметь как хобби. При хорошем режиссере человек органичный, чувствующий камеру и ситуацию, может сниматься в кино. Тем более молодежь сейчас такая раскованная, ничего не боится. Я говорю, конечно, о ролях неглубоких.

— А если бы вас в свое время не остановили на улице? Вы не просчитывали задним числом, что могло бы быть?

— Нет и не хочу, честно сказать. Есть как есть, идет как идет. И в принципе ничего, кроме радости, мне это не доставляло. Вот если бы ничего не сложилось... Ну я была бы, может быть, ух! — супертренером.

— Все-таки лук?

— Ну конечно. В принципе я уже начинала тренировать...

— У вас достаточно устойчивый визуальный образ. Нетянет поэкспериментировать?

— В жизни? Нет, не тянет. Ну что — покраситься в зеленый цвет или в красный? Вот посоветуйте, может быть, я и попробую.

— Э, нет — тут я пас...

Фото Виктора СМОЛЯНИНОВА.